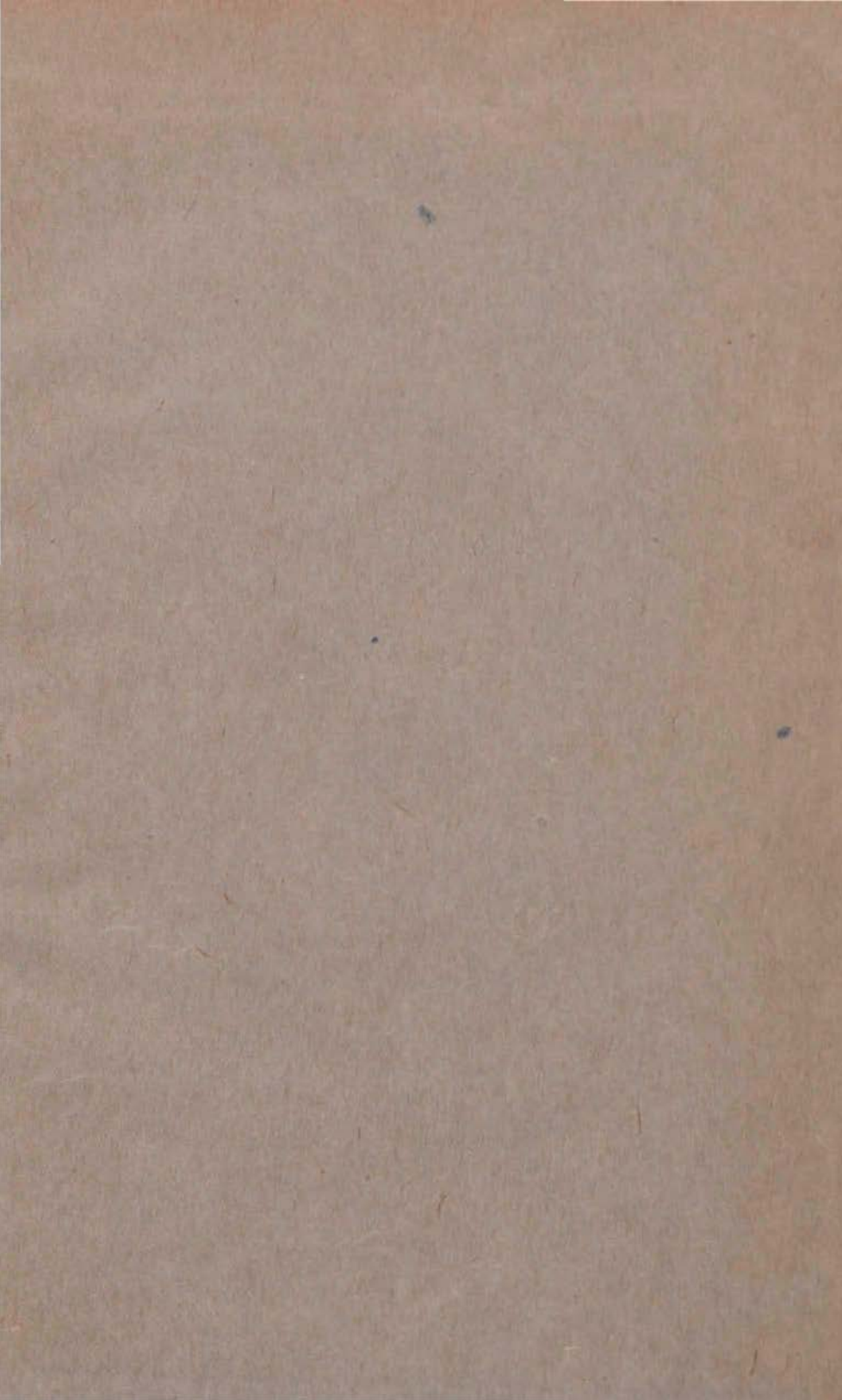

Н. Маккавейский.

Религия и
народность,
1914

Н. Н. Магкавеискій.

РЕЛИГІЯ И НАРОДНОСТЬ,

КАКЪ ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской духовной Академіи 26 сентября 1895 года.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.
1895.

157
126

Н. К. Маккавейскій.

РЕЛИГІЯ И НАРОДНОСТЬ,

КАКЪ ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіев-
ской духовной Академіи 26 сентября 1895 года.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.
1895.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1895 годъ.

21942-0

2011121964

Одинъ изъ глубокихъ мыслителей древняго міра пятую книгу своего знаменитаго труда начинаетъ такими словами: „никто не можетъ оспаривать того, что особенная заботливость законодателя должна быть направлена на воспитаніе юношества; ибо пренебреженіе этимъ дѣломъ въ государствѣ вредитъ его политическому благоустройству“¹⁾. Двѣ тысячи лѣтъ не поколебали и не состарили истины этого положенія Аристотеля. Вопросъ о воспитаніи и теперь стоитъ на той же высотѣ вопроса государственной важности, и теперь трактуетъ ся онъ во всѣхъ государствахъ міра съ такимъ интересомъ и, нерѣдко, увлеченіемъ, какъ еслибы онъ родился лишь вчера или третьяго дня. И причина этой важности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненной свѣжести его понятна каждому. Еще Локкъ говорилъ, что изъ всѣхъ людей девять десятыхъ своимъ характеромъ и всѣмъ направленіемъ своей жизни обязаны исключительно воспитанію²⁾. Воспитаніе это одна изъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя способны двигать по извѣстному направленію жизнь общества и цѣлаго государства. Вотъ почему многіе недостатки въ этой жизни чаще всего припи-

¹⁾ *Aristot. Politic. lib. V. cap. I.* См., въ перев. Н. Скворцова (М. 1893) стр. 193.

²⁾ Мысли о воспитаніи *Джона Локка*. Перев. П. Вейнберга. СПб. 1890 стр. 5.

сываются ошибкамъ воспитанія. Вотъ почему въ тѣ моменты, когда недостатки эти особенно ясно всплываютъ въ общественномъ сознаніи, вопросы воспитанія становятся уже злобою дня и начинаютъ обсуждаться съизнова, при чемъ по необходимости пересматривается и перетолковывается опять то, что давно уже считалось окончательно рѣшеннымъ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ настоящее время мы переживаемъ именно одинъ изъ такихъ моментовъ.

Нашъ прославленный XIX вѣкъ, чѣмъ болѣе приближается къ своему закату, тѣмъ замѣтнѣе принимаетъ одинъ мрачный оттѣнокъ и тѣмъ болѣе вызываетъ сѣтованій и нареканій по адресу современнаго ему человѣчества. Вялость мысли и чувства, неопредѣленность стремленій, неустойчивость по всѣмъ направленіемъ дѣятельности, въ результатѣ недовольство и разочарованіе жизнію—такими чертами чаще всего характеризуютъ наше время.

„Всѣ чувствуютъ, и уже давно, въ Европѣ странную безжизненность возрастающихъ поколѣній, говорить, напр., В. Розановъ. Они безжизненны не въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, они лишены не которыхъ нибудь даровъ, будучи богато одѣлены другими. Именно ядра въ нихъ нѣтъ, изъ котораго растетъ всякій даръ, всякій порывъ, все энергичное въ дѣйствіи или твердое въ сопротивленіи. Та „искра Божія“, которая свѣтитъ въ человѣческомъ образѣ часто сквозь мракъ, его одѣвающій, сквозь его грубость, необузданный произволъ, невѣжество,—въ этихъ поколѣніяхъ, наружно лоснящихся, ничего выдающагося дурнаго не дѣлающихъ, какъ будто погасла, и ее ничто не способно пробудить... Не говоря о выдающемся, гениальномъ или героическомъ,—среднее становится не подъ силу этого потускнѣвшаго поколѣнія“¹⁾... „Какъ

¹⁾ Сумарки просвѣщеніи. Русскій Вѣстникъ 1893 г. Январь, стр. 35—36.

часто, говоритъ профессоръ К. Н. Ярошъ, шаги людей, празднующихъ свою первую весну, отличаются не бодрою увѣренностію и твердостію, а совсѣмъ противоположными свойствами. Эти люди, только что выступивъ на дорогу жизни, уже являютъ признаки утомленія. Ихъ взоръ не воспламеняется видомъ предстоящихъ трудностей и не разгарается энергіей къ честному, побѣдоносному шествію въ гору усовершенствованія; напротивъ, ихъ глаза растерянно озираются по сторонамъ и часто, слишкомъ часто и пристально, вперяются въ лежащую у ногъ бездну низменныхъ страстей¹⁾.

И такія печальныя характеристики можно встрѣтить на страницахъ многихъ изданій, ставящихъ своею задачею слѣдить за теченіемъ современной жизни.

Естественно, что при такомъ настроеніи общественнаго сознанія самъ собою возникаетъ вопросъ о причинахъ этого явленія. И вотъ здѣсь то и выдвигается, по обыкновенію, вопросъ о воспитаніи, которое привлекается къ суду по обвиненію во всѣхъ этихъ недостаткахъ общества.

Современное человѣчество въ дѣлѣ воспитанія, говорятъ, стало въ положеніе Парацельса, мечтавшаго о созданіи человѣческаго существа искусственнымъ путемъ: его произведеніе—*homunculus*, а не естественный человѣкъ. Все у насъ въ крайне жалкомъ состояніи; по всѣмъ направленіямъ—крайняя шаткость убѣжденій. Но почему же? Потому, что само воспитаніе въ настоящее время, говорятъ, не имѣетъ опредѣленныхъ, твердыхъ основъ подъ собою. Конечно, результатъ его можетъ быть только одинъ: на жизненную арену являються люди безъ всякихъ принциповъ и убѣжденій, не носящіе въ своей душѣ ничего прочнаго и устойчиваго, ничего такого,

¹⁾ Современныя задачи нравственнаго воспитанія. Проф. К. Н. Ярошъ. Харьковъ 1893. Стр. 8.

на что они могли бы въ трудную минуту опереться. Что же удивительнаго, если эти люди и гибнуть! Нужно болѣе удивляться тому, какъ многіе еще остаются цѣлы среди бурнаго водоворота нашей жизни.

Частію, увлекаемый этимъ потокомъ современной мысли, частію же и вообще памятуя, что „особенная заботливость—не только законодателя, но и каждаго истиннаго сына своего отечества—должна быть направлена на воспитаніе юношества, ибо пренебреженіе этимъ дѣломъ повредило бы государственному благоустройству“,—и я рѣшаюсь остановить ваше просвѣщенное вниманіе въ настоящемъ торжественномъ собраніи на одномъ старомъ коренномъ вопросѣ нашей русской жизни *на какихъ началахъ должна быть построена наша школа и вообще все дѣло нашего русскаго воспитанія для того, чтобы общество и государство получали отъ нихъ не слабыхъ, умственно и нравственно-беспомощныхъ, а здоровыхъ и бодрыхъ членовъ своихъ?*

Спѣшу напередъ оговориться, что ничего новаго, еще неизвѣстнаго, я и не мечтаю сказать, а хочу лишь напомнить еще разъ то, что никогда не должно бы и подлежать забвенію.

Педагогика, по мѣткому опредѣленію нашего покойнаго профессора Юркевича, „наука сборная. Голова этого тѣла заключается въ моральныхъ идеяхъ, органы питанія—въ психологіи, органы движенія—въ физиологіи. Изъ этихъ трехъ источниковъ должны быть выводимы всѣ начала, управляющія воспитаніемъ, въ нихъ должны быть отыскиваемы основанія, оправдывающія одно педагогическое направленіе и осуждающія другое“¹⁾. Но чему же, спрашивается, въ человѣческомъ организмѣ должны мы отдать предпочтеніе? Конечно, не органамъ питанія и еще меньше органамъ движенія, а головѣ, которая управляетъ жизнію всего тѣла и даетъ цѣн-

¹⁾ Курсъ общей педагогики П. Юркевича М. 1879. Стр. 1.

ность человѣку, какъ существу разумно-свободному. Такъ и въ дѣлѣ воспитанія. Для разумнаго и вѣрнаго направленія его необходимо прежде всего вѣрное и ясное пониманіе цѣли, стоящей впереди всего воспитательнаго дѣла и потому освѣщающей ему дорогу. Воспитатель только тогда можетъ рассчитывать на успѣхъ своего дѣла, если передъ его умственнымъ взоромъ яркою звѣздою непрестанно свѣтитъ тотъ идеаль, къ которому онъ долженъ вести своего питомца. Нѣтъ этой звѣзды путеводной или плохо виденъ свѣтъ ея—и тщетны всѣ старанія воспитателя. При всемъ желаніи дать доброе направленіе своему питомцу, онъ будетъ не въ силахъ сдѣлать это по той простой причинѣ, что самъ не будетъ знать, гдѣ оно. Итакъ, въ своемъ исканіи истинныхъ основъ воспитанія и мы должны обратиться прежде всего къ области моральныхъ идей или къ этикѣ, потому что здѣсь производится оцѣнка человѣка, во всѣхъ проявленіяхъ его жизнедѣятельности, рѣшается вопросъ о конечномъ назначеніи его и такимъ образомъ начертывается необходимый для воспитанія идеаль человѣка.

Но какая этика способна сдѣлать это собственными силами?

Позволю себѣ хотя въ немногихъ словахъ напомнить, какъ рѣшались этотъ вопросъ уже древній, дохристіанскій міръ.

Ни одинъ учитель въ древнемъ Китаѣ не открывалъ занятій въ своей школѣ, не совершивъ предварительно жертвоприношенія предъ алтаремъ Конфуція и бога наукъ и не испросивъ напередъ ихъ благотворной помощи для своего дѣла; при этомъ всѣ будущіе питомцы школы также преклоняли свои колѣна и воскуряли фиміамъ, вручая себя такимъ образомъ высокому покровительству боговъ. Ни одинъ браминъ въ древней Индіи не начиналъ уроковъ важнѣйшей изъ наукъ своей программы—чтенія Ведъ, безъ предварительнаго наставленія своихъ учениковъ въ омовеніяхъ и другихъ священныхъ обрядахъ; при этомъ самъ онъ предъ началомъ и

по окончаніи каждаго урока непремѣнно произносилъ про себя священное имя своей тріады („Омъ“). Ни одинъ юноша въ древней Персіи не могъ получить своего священнаго пояса—этой неотъемлемой святыни, имѣющей охранять его отъ злыхъ силъ въ теченіе всей его жизни,—если не зналъ онъ исповѣданія своей вѣры и не далъ обѣта строго исполнять законъ Зороастра. Древне-египетское воспитаніе обыкновенно характеризуется наименованіемъ „жреческаго“, потому что здѣсь оно всецѣло находилось въ рукахъ жрецовъ, а это одно уже достаточно ясно говоритъ, на какомъ мѣстѣ должны были стоять въ воспитательной программѣ древняго египтянина вопросы религіи. Древніе греки и римляне уже въ дѣтствѣ узнавали изъ своей міеологіи, что первыми наставниками и воспитателями людей были боги. Уроки изъ этой міеологіи, пѣсни въ честь боговъ и героев отчизны составляли одно изъ первыхъ воспитательныхъ средствъ въ древне-классическомъ мірѣ¹⁾. Нужно ли упоминать, наконецъ, о древнемъ богоизбранномъ народѣ Еврейскомъ? Все дѣло воспитанія и образованія здѣсь запечатлено было одною великою идеею—чаяніемъ того Божественнаго Посланника, о имени котораго обѣщано было благословеніе всѣмъ племенамъ земнымъ. Поэтому одинъ возвышенный религіозный характеръ здѣсь проникалъ воспитаніе уже на всемъ протяженіи его, отъ начала и до конца. Приготовить въ каждомъ іудеѣ строгаго блюстителя велѣній Іеговы, сохранить его чистымъ отъ всѣхъ заблужденій сосѣдей язычниковъ—вотъ послѣдняя цѣль всего воспитательнаго дѣла у древнихъ евреевъ.

Такъ уже въ глубокой древности воспитаніе стояло въ тѣсной связи съ религіей. И почему?

„Чтобы быть добрымъ, необходимо имѣть величайшее благоговѣніе къ богамъ“, писалъ Сенека²⁾. „Отнимите у людей

¹⁾ Dr. *Karl Schmidt's* Geschichte der Pädagogik. 2-te Aufl. B. 1. Cöthen 1868. S. 87. 108. 121—122 и др.

²⁾ *Senec. Epist. ad Lucil. LXXVI.*—Edit. Stereotyp. (Lips. 1832) T. III. p. 215.

благоговѣніе къ богамъ, и погибнуть въ мірѣ вѣрность, дружба и превосходнѣйшая добродѣтель—справедливость“, говоритъ Цицеронъ¹⁾. „Безъ сомнѣнія, лучшее свойство души человѣческой... всегда ходитъ предъ богами во всякой правдѣ и чистотѣ“, пишетъ Платонъ въ своихъ „Законахъ“. „Кто вѣритъ въ бытіе бога, тотъ произвольно никогда не сдѣлаетъ безчестнаго поступка“. Поэтому „наслѣдствомъ дѣтей должно быть не золото, а глубокое благочестіе“²⁾ и т. д. Не ясно ли отсюда, какъ смотрѣлъ на религію уже древній міръ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей: и ему не чужда была мысль, что только въ религіи—надежный оплотъ нравственности.

Съ тѣхъ поръ эта истина трактовалась и разбиралась съ различныхъ сторонъ и, тѣмъ не менѣе, должна остаться непоколебимою. Только въ томъ убѣжденіи, что законъ совѣсти, написанный въ сердцѣ человѣка, имѣетъ началомъ своимъ Верховнаго Виновника всякаго бытія и что подчиненіе этому закону есть единственно-вѣрный путь человѣческой жизни, нравственный законъ получаетъ для человѣка значеніе непреложнаго и необходимаго. Другаго твердаго основанія для нравственности нѣтъ. Только религія способна дать ей непоколебимую основу и освятить самымъ высшимъ авторитетомъ ея предписанія и законы.

Такимъ образомъ этика для того, чтобы имѣть право на главенство среди трехъ педагогическихъ источниковъ, сама должна покоиться на началахъ религіи. Другими словами: не этика сама по себѣ, какъ бы ни была она философски обоснована, а этика религіозная или религія можетъ и должна дать первую основу воспитательному дѣлу—указать идеаль человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль воспитанія.

¹⁾ *Cicer. De nat. deor. lib. 1. cap. 2. § 4.*—Edit. Alfr. Göthe (Leipzig. 1887) S. 23—24.

²⁾ *Plat. Legg. libr. XI. X. V.* Въ перев. В. Оболенскаго (М. 1827) стр. 471. 416. 173.

И въ древнемъ мірѣ, какъ мы уже видѣли, воспитаніе стояло въ связи съ религіей; тѣмъ не менѣе, послѣдняя безсильна была указать ему истинно-доброе направленіе. Религія шла здѣсь рука объ руку съ тѣмъ строемъ, въ какой укладывалась общественная и государственная жизнь различныхъ народовъ, и уже вмѣстѣ съ нимъ предъявляла каждому изъ членовъ націи извѣстныя требованія, которыя и становились главными направи́телями воспитательнаго дѣла.

Такъ, древній китаецъ, который въ своихъ законахъ, учрежденіяхъ и обычаяхъ, во всемъ строѣ своей государственной и общественной жизни не могъ выйти изъ границъ семейнаго начала, въ тѣхъ же тѣсныхъ границахъ запираетъ и воспитаніе: послѣднее строится здѣсь на тѣхъ же началахъ, какими жила китайская семья въ собственномъ смыслѣ и все китайское государство, эта опять же семья, только включавшая въ свой составъ весь китайскій народъ. Въ силу того же закона, древній индусъ всѣ требованія свои къ возрастающему поколѣнію сводилъ къ точному знанію каждымъ юношею правъ и обязанностей своей касты и строгому соблюденію пріуроченныхъ ей обрядовъ и церемоній; потому что, и по указанію религіи, и по самому складу жизни, каждый чело-вѣкъ появлялся здѣсь на свѣтъ лишь для того, чтобы продолжать дѣло и образъ жизни своего отца. При завоевательныхъ наклонностяхъ древняго перса, воинственный духъ, проникавшій всю націю, непремѣнно долженъ былъ отразиться и въ ея воспитаніи, которое поэтому хотя не чуждо было и высокихъ нравственныхъ требованій—справедливости, уваженія къ закону, любви къ отечеству, однако на первомъ планѣ все же ставило доблести воина и тѣлесную силу. Крайній деспотизмъ съ одной стороны и совершенная пригнетенность съ другой, характерныя черты отношеній между высшими и низшими кастами въ древнемъ Египтѣ, опять ясно видны и въ воспитаніи: въ довольно сложной программѣ наукъ для первыхъ и въ крайне жалкихъ умственныхъ и нравствен-

ныхъ понятіяхъ у вторыхъ, не имѣвшихъ права знать что нибудь другое, кромѣ рабскаго повиновенія жрецамъ и установленнымъ ими обычаямъ.

Минуя народъ іудейскій, какъ занимавшій совершенно исключительное положеніе, мы вступаемъ въ великій и славный міръ классическій, уже заранѣе разсчитывая найти здѣсь высокій идеалъ, невѣдомый народамъ востока. И что же?

Вотъ предъ нами кипучая, разносторонняя, чуднымъ ключомъ бьющая жизнь древняго грека, это непрестанное служеніе культу красоты. Надѣленный отъ природы, по преимуществу, гениемъ художественнымъ, художникъ по натурѣ, грекъ и свой воспитательный идеалъ основываетъ на красотѣ—тѣлесной и духовной. Всѣ силы воспитанія направляются здѣсь къ тому, чтобы достичь гармоническаго развитія обѣихъ сторонъ человѣческаго существа, сдѣлать его тѣло прекраснымъ обликомъ столь же прекрасной души. Пресловутое *καλοκαγαθία*, т. е. совершенство тѣла и души, служило цѣлью всѣхъ воспитательныхъ средствъ въ лучшую эпоху Греціи. Такъ, его имѣла въ виду и гимнастика, придававшая прекрасный, богоподобный видъ тѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплявшая и духъ, пріучая его къ воздержанію и умѣренности. Къ нему направлялся и весь курсъ изящныхъ искусствъ, наполнявшихъ стройною гармоніею душу, но вмѣстѣ съ тѣмъ вліявшихъ облагораживающимъ образомъ и на красоту тѣла. Его же преслѣдовали, наконецъ, какъ послѣднюю цѣль свою, грамматика, математика и весь курсъ наукъ вообще, съ философіей въ своей вершинѣ.

Какое поразительно стройное, гармоническое сочетаніе въ одно неразрывное цѣлое такихъ, повидимому, разнообразныхъ элементовъ! Только народъ—художникъ, выросшій и развившійся на произведеніяхъ величайшаго художника—Гомера, могъ быть творцомъ такого идеала и такихъ средствъ къ достиженію его. И, что особенно важно, все это не было здѣсь порожденіемъ только инстинктивныхъ склонностей и

стремлений человека, а было продумано, осмыслено и логически обосновано. Именно гений Греции, породивший великих философов, первый занялся теоретическим уяснением целей и средств воспитания и в трудах Платона и Аристотеля подарил истории первые, весьма ценные, опыты воспитательной теории.

Рядомъ съ этими великими заслугами для воспитания первой половины классическаго міра, сдѣланное второю представляется уже блѣднымъ. Эстетическій элементъ, такъ глубоко проникавшій всю жизнь и дѣятельность древняго грека, въ римлянѣ уступилъ свое мѣсто элементу разсудочному, практическому. Этотъ до суровости трезвый человекъ здраваго смысла во всемъ расположенъ былъ преслѣдовать прежде всего практически полезное. Поэтому то же *utile*, обнимавшее, правда, въ высшей точкѣ своей все государство, все отечество, стояло на первомъ планѣ и въ его воспитаніи. Такъ было въ періодъ самостоятельнаго развитія римскаго народа, когда еще сохранялъ онъ свой чистый національный характеръ; то же отчасти наблюдается и въ эпоху господства Греции, которая, не смотря на все свое обаяніе, не способна была стереть эту главную черту римлянина. И теперь лучшіе умы Рима, какъ Цицеронъ и Квинтиллианъ, въ своихъ твореніяхъ съ любовью останавливаются на средствахъ для образованія искуснаго оратора, какъ служенія наиболѣе практически-полезнаго, и въ немъ видятъ высшій идеалъ человека.

Таково послѣднее слово міра древняго, дохристіанскаго.

Не говоря уже о крайне блѣдныхъ, скудныхъ содержаніемъ, идеалахъ восточныхъ народовъ,—насъ не можетъ удовлетворить и міръ классическій. Отдавая справедливую дань уваженія и даже удивленія обаятельно—изящнымъ задачамъ древне-греческаго воспитанія, мы не согласились бы однако взять ихъ въ свою жизнь. Ничего не имѣя противъ здороваго и прекраснаго тѣла, мы, тѣмъ не менѣе, далеки отъ того, чтобы его качества сдѣлать мѣриломъ для оцѣнки достоин-

ства и значенія человѣка вообще (какъ то было, напр., въ Спартѣ), потому что благороднѣйшею и вышею мы считаемъ не тѣлесную, а духовную субстанцію человѣческаго существа. Главный недостатокъ древне-классическихъ воззрѣній въ томъ и заключался, что, не смотря на всю силу и глубину греческаго и римскаго ума, ему не вѣдомо было величіе и достоинство человѣческаго духа самого въ себѣ. Чистой идеи человѣчества, идеи человѣческой личности, носящей величайшую цѣну въ самой себѣ, не знали ни греки, ни римляне. Человѣкъ цѣнился въ древнемъ мірѣ не самъ по себѣ, а лишь какъ средство или орудіе для другихъ цѣлей—семьи, касты, сословія, наконецъ—цѣлаго народа. Поэтому нечего искать здѣсь и истинныхъ понятій о добродѣтели: и у народовъ классическихъ они все еще сбивчивы и односторонни. И грекъ и римлянинъ являются крайними эгоистами, преслѣдующими, какъ конечную цѣль жизни, или утонченное наслажденіе, земными благами или всемірное господство. Поэтому же и такіе глубокіе умы, какъ Платонъ и Аристотель, не могли еще отрѣшиться отъ идеи рабства, признавъ въ немъ явленіе ненормальное; напротивъ, они сами стараются найти даже естественное основаніе для него—въ природномъ отличіи грека отъ варвара¹⁾. Идеи равенства чѣтъ и у этихъ великихъ мудрецовъ древняго міра. Поэтому и ученіе ихъ о справедливости носитъ не общечеловѣчскій, а такъ сказать, аристократическій характеръ. Грекъ не могъ смѣшаться съ варварами: его душа самою природою поставлена неизмѣримо выше души всякаго другаго человѣка. Однимъ словомъ, и здѣсь человѣкъ еще не былъ надлежащимъ образомъ понятъ и по достоинству оцѣненъ. Религія была слишкомъ слаба для этого; философія, при всѣхъ успѣхахъ своихъ, также не въ силахъ была помочь ей въ этомъ.

¹⁾ *Aristot., Politic. lib. 1 cap. 2. lib. IV cap. 6.*—Въ перев. Н. Свворцова. (М. 1893) стр. 8—18. 160—161.

Только съ явленіемъ въ міръ Христа Спасителя какъ бы таинственный покровъ спадаетъ съ лица земли, и человѣку становится понятнымъ все величіе его природы. Достоинство и значеніе человѣка открывается въ немъ самомъ, а не внѣ его, потому что, независимо отъ своего положенія на землѣ, онъ, равно со всѣми другими людьми, братьями своими, имѣетъ великую цѣну въ очахъ Божіихъ и одинаково призванъ къ великой, общей всѣмъ людямъ, цѣли. Поэтому только въ христіанствѣ, съ его идеею свободной, равноправной человѣческой личности, могла быть найдена и истинная цѣль воспитанія.

Нужно воспитывать не „негоціантовъ, солдатъ, механиковъ, моряковъ, врачей, юристовъ“, а *людей*, въ истинномъ смыслѣ слова, писалъ въ 1856 году покойный Н. И. Пироговъ¹⁾, и слово его могучимъ эхомъ отозвалось во всѣхъ концахъ Россіи, выдвинувъ вопросы воспитанія на первый планъ, какъ самые жгучіе „вопросы жизни“. Между тѣмъ, что же новаго сказано было этимъ словомъ о необходимости воспитанія *людей*? Пироговъ лишь напомнилъ и со свойственною ему талантливостію выставилъ въ противоположность современнымъ недостаткамъ то, что давно уже, десятки вѣковъ назадъ, указано было всему міру. Въ христіанствѣ родилась и съ нимъ явилась въ міръ эта мысль, что воспитывать нужно *человѣка*, и съ тѣхъ поръ то, благодаря какой то странной забывчивости нашей, она отходитъ въ область малосознательную, какъ бы потемняется, то опять, особенно въ минуты наиболѣе яснаго сознанія обществомъ своихъ недостатковъ, выдвигается впередъ, поражая всѣхъ съ силою новаго открытія.—„Человѣкъ“—вотъ вполне достойный идеаль воспитанія, вотъ первое опредѣленіе истинной цѣли его.

Но опредѣленіе это, какъ видимъ, слишкомъ широко и общо для того, чтобы можно было на немъ остановиться и успокоиться. Человѣкъ, человѣческая личность, человѣческое достоинство—все это такія понятія, которыя сами еще нуж-

¹⁾ Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. II. СПб. 1887. ст. „Вопросы жизни“, стр. 3 и др. Ср. въ ст. „Новоселье лицея“ стр. 50—51.

даются въ раскрытіи для того, чтобы стать дѣйствительно добрымъ рычагомъ человѣческой жизни и воспитанія; безъ этого же они способны завести въ непроходимыя дебри самыхъ разнообразныхъ, даже противорѣчивыхъ положеній. Напримѣръ.

Увлечшись преклоненіемъ предъ человѣкомъ, какъ существомъ разумно-свободнымъ, легко зайти здѣсь слишкомъ далеко и стать на ложную дорогу. Воспитаніе, скажутъ тогда, должно стремиться къ развитію человѣка естественнаго, какъ онъ есть, т. е. со всѣми тѣми силами, съ какими выходитъ онъ изъ рукъ природы,—потому что „въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ никакой изначальной порчи, нѣтъ ни одного порока, о которомъ нельзя было бы сказать, какъ и какимъ путемъ онъ появился“, потому что родившись человѣкъ уже носить въ себѣ первообразъ гармоніи правды, красоты и добра и т. д. Поэтому предоставить его свободному развитію силами самой природы—вотъ единственно-вѣрный путь воспитанія.

Таковы идеи Руссо, воплощенные въ его „Эмилѣ“, таково ученіе Дистервега, его прямаго послѣдователя, затѣмъ —школы такъ называемыхъ филантропистовъ съ Базедовымъ во главѣ и многихъ другихъ педагоговъ запада; таковы воззрѣнія нашего Л. Н. Толстого; такое же направленіе проглядывало и въ нашихъ педагогическихъ журналахъ 60-хъ годовъ и, между прочимъ, въ лучшемъ изъ нихъ—„Учителѣ“ Паульсона.

Нужно ли входить въ детальный разборъ этой давно разобранной и окритикованной теоріи? Кромѣ Откровенія, и глубокіе мыслители древняго и новаго міра, и ежедневный собственный опытъ и наблюденіе надъ дѣтскою природою, и изслѣдованія и выводы антропологовъ—все единогласно говорить о несостоятельности этой теоріи, ясно показывая, что въ душѣ человѣка самую природою влагается то неодолимое влеченіе ко злу, которое разумѣлъ еще Платонъ подъ сло-

вомъ *οἰστρος*¹⁾, на которое намекалъ Овидій въ своемъ изреченіи: „вижу лучшее и одобряю, а слѣдую худшему“²⁾, всю силу котораго такъ глубоко вѣрно изобразилъ св. Апостолъ Павелъ въ своемъ ученіи о законѣ грѣховномъ, живущей въ человѣкѣ и противоборствующемъ закону ума его (Римл. VII, 15—23). Владычество необузданнаго произвола, самый крайній эгоизмъ—вотъ достойный результатъ послѣдовательнаго проведенія въ практику воспитанія этого принципа естественнаго развитія... Впрочемъ, отъ причудливой мечты философствующаго воображенія до осуществленія ея въ дѣйствительности, какъ руководящаго начала, слишкомъ далеко. Идеаль „естественнаго человѣка“, такъ увлекательно нарисованный огненною кистью „женевского гражданина“, не могъ, конечно, не заинтересовать и даже сильно всколыхнуть мыслящее человечество, вызвавъ ярыхъ послѣдователей и такихъ же критиковъ; но и только. О серьезномъ же увлеченіи такимъ „идеаломъ“ со стороны зрѣлаго человечества и проведеніи его въ жизнь едва ли возможно говорить...

А вотъ и другая форма рѣшенія вопроса, данная въ идеѣ такъ называемой гуманности или человѣчности, въ которой также многіе готовы видѣть единственно—вѣрное руководящее начало для воспитанія. Сдѣлать питомца человѣчнымъ, гуманнымъ—такова, говорятъ, достойнѣйшая цѣль воспитанія. Но много ли, спрашивается, содержанія вносится этимъ понятіемъ въ воспитательный идеаль? Обязанная своимъ развитіемъ особенно эпохѣ возрожденія,—когда великія, забытыя было, творенія греко-римскаго генія снова плѣнили міръ и были признаны произведеніями общечеловѣческаго значенія, достойными лечь въ основу общечеловѣческой культуры,—эта идея въ настоящее время сдѣлалась уже ходячимъ, общеупотребительнымъ выраженіемъ, содержаніе котораго при

¹⁾ *Plat. Legg. lib. IX.*

²⁾ *Ovid. Metam. VII, 20—21.*

этомъ не всегда ясно представляется. Обыкновенно подъ гуманностію разумѣется особое—мягкое, снисходительное отношеніе къ людямъ, независимое отъ ихъ настоящаго положенія и видимой стоимости. Но на чемъ же основывается такое отношеніе? На сознаніи ли собственныхъ несовершенствъ, на постоянномъ памятованіи, что „всѣ мы люди и потому „ничто человѣческое и намъ не чуждо“? или же оно должно вытекать, наоборотъ, изъ признанія силы въ человѣческой природѣ за началомъ добра, изъ того убѣжденія, что святая искра этого добраго начала никогда не угасаетъ въ ней совершенно, а тлѣетъ здѣсь—хотя иногда замѣтная лишь для необыкновенной пронидательности Достоевскихъ—гдѣ то на самомъ днѣ души даже у людей, повидимому, уже совершенно погибшихъ, жалкихъ отверженцевъ общества? Необходимо внести свѣтъ въ эту идею, уяснить себѣ содержаніе и основы ея, для того чтобы не слѣпо и безотчетно, а сознательно и потому правильно руководиться ею. Въ противномъ случаѣ, можно признать за нею даже отрицательное значеніе и сказать, что она „вноситъ путаницу въ моральную оцѣнку лицъ и поступковъ, ступшевываетъ границы между хорошимъ и дурнымъ,... вливаетъ ядовитую струю человѣческой безотвѣтственности въ обиходъ жизни нашихъ дней и плодитъ въ ней плачевную слабость характеровъ“ и т. д. ¹⁾).

Можно бы представить и еще нѣсколько подобныхъ, якобы, истинныхъ идеаловъ воспитанія, повидимому, вытекающихъ изъ понятія о человѣкѣ, какъ существѣ, носящемъ цѣну и значеніе въ себѣ самомъ, или, по крайней мѣрѣ, близко стоящихъ къ этому широкому и эластичному понятію. Но вмѣсто этого естественнѣе обратиться за разъясненіемъ его туда, гдѣ оно впервые такъ высоко поставлено: здѣсь, только въ самомъ христіанскомъ ученіи должны мы искать раскрытія его. И дѣйствительно, Искупившій человѣческую природу

¹⁾ Ярошъ. Современ. задачи нравственнаго воспитанія, стр. 17—18.

ясно указалъ и ея великое призваніе. Человѣка новаго, благодатнаго царства уже не могутъ удовлетворить самые возвышенные идеалы земли. Не должно быть болѣе границъ на пути его нравственнаго возрастанія: послѣдняя ступень, вершина самыхъ высокихъ вожделѣній его есть совершенство уже Самого Отца небеснаго (Матѳ. V, 48). Отдать всѣ силы свои, всю жизнь свою посвятить непрестанной работѣ нравственнаго усовершенствованія своей личности и приближенія къ этому идеалу—вотъ величайшее призваніе человѣка новаго, христіанскаго міра.

Никто не станетъ конечно оспаривать, что выше этого не можетъ идти никакая человѣческая мысль, никакое человѣческое желаніе. Весь вопросъ заключается здѣсь уже только въ томъ: открыть ли человѣку и тотъ путь, который ведетъ на эту высоту, и найдутся ли у него силы идти и подниматься къ такому неземному совершенству? Безъ этого же идеалъ можетъ потерять свое жизненное значеніе. Онъ можетъ говорить о *нескончаемости* такого стремленія къ совершенству, о *безконечности* такого процесса нравственнаго преуспѣянія и потому, можетъ быть, только охлаждать человѣка мыслию о тщетности всѣхъ его усилій. Но въ томъ и великая жизненная сила христіанства, что въ немъ ясно обозначенъ и самый путь къ этому высокому идеалу и даны средства приближенія къ нему.

Отцы церкви чрезвычайно мѣтко опредѣляютъ самую характерную черту древняго язычества, называя его *нѣмымъ*. Дѣйствительно, чему могло оно научить человѣка, что вносило въ жизнь народа? Служитель его, жрецъ—или тиранъ, деспотъ народа, какъ въ теократіяхъ востока, или же нѣмой стражъ внѣшней обрядности, безучастный исполнитель установленныхъ государствомъ торжественныхъ религіозныхъ церемоній, какъ въ греко-римскомъ политеизмѣ. Въ обоихъ случаяхъ народъ со своею жизнью стоитъ вдали отъ него.

Не то мы видимъ въ христіанствѣ. Это не произведеніе человѣческой фантазіи, тѣшащее или пугающее воображеніе, и не отвлеченная теорія, лишь питающая умозрѣніе; это божественное ученіе есть сама жизнь, сама нравственность. Спасеніе людей, ихъ нравственное возрожденіе—въ этомъ именно и заключается цѣль христіанства. Поэтому догматика его стоитъ въ самой тѣсной связи съ его моралью: послѣдняя есть результатъ, прямой выводъ изъ первой; раздѣлить ихъ не возможно. Здѣсь нельзя только вѣрить одною холодною мертвою вѣрою безъ дѣлъ (Іак. II, 26), потому что эта вѣра, разъ она дѣйствительно есть въ человѣкѣ, непременно отражается въ его жизни, въ соотвѣтствующей дѣятельности. Нормы этой послѣдней, данныя въ Евангеліи, при своей краткости, обнимаютъ всѣ стороны человѣческаго существа, отъ внѣшнихъ, грубо-чувственныхъ влеченій, до самыхъ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ изгибовъ человѣческаго сердца, стараясь захватить зло въ самомъ корнѣ его. Въ своей догматической основѣ, въ метафизической глубинѣ ея, не постижимыя вполне и для самыхъ сильныхъ умовъ, онѣ въ то же время и такъ просты, такъ близки и родственны человѣческой природѣ, что легко проникаютъ въ открывающееся къ нимъ чистое сердце каждаго человѣка—и простолюдина и даже дитяти. Будучи словомъ Самого Бога, онѣ носятъ въ себѣ характеръ самаго высшаго авторитета, универсальной необходимости и вѣчности. Но что особенно важно для насъ въ данномъ случаѣ, и исполненіе ихъ уже дано въ живомъ наглядномъ примѣрѣ самого Законодателя. Такимъ образомъ, слѣдуя неоспоримо вѣрному положенію педагогіи, что примѣръ есть самый лучшій наставникъ, мы должны и въ этомъ отношеніи признать за христіанскимъ идеаломъ самое высокое значеніе: на все здѣсь данъ отвѣтъ въ готовомъ примѣрѣ. Но и это еще не все. Вступающій на путь Евангелія, съ готовностію идти къ высокому идеалу его, не остается здѣсь одинокимъ, на произволъ судьбы и въ жертву случайностямъ, а

получаетъ постоянную поддержку и помощь для себя въ тѣхъ обильныхъ и многоразличныхъ средствахъ, которыми владѣтъ великая воспитательница—христіанская Церковь. И нужно-ли прибавлять, какую силу должны имѣть для вѣрующаго сердца сознаніе постоянной связи своей съ Искупителемъ и увѣренность въ недремлющей всемогущей Его помощи...

Итакъ, не человѣкъ вообще, а *человѣкъ—христіанинъ*, т. е. человѣкъ, неуклонно стремящійся къ осуществленію въ своей личности высокаго идеала, указаннаго Христомъ Спасителемъ,—вотъ второе опредѣленіе цѣли воспитанія, которое даетъ намъ единственно-истинная, христіанская этика.

Но что ставить этика, то оправдать должна психологія. Послѣдняя должна подтвердить, что идеаль воспитанія, указанный этикою, не чуждъ духовной природѣ питомца, а именно какъ разъ отвѣчаетъ ея запросамъ и силамъ. Намъ припоминается здѣсь одно чрезвычайно мѣткое замѣчаніе Л. Тихомирова, сдѣланное имъ два года назадъ въ отзывѣ о лекціи проф. Ключевского. „Если-бы человѣкъ, говоритъ онъ, по природѣ духовной былъ такая *tabula rasa*, какъ полагали педагоги XVIII вѣка, то воспитателямъ достаточно было-бы установить любой идеаль, по своему вкусу, и затѣмъ дружно и искусно отливать въ его форму своихъ воспитанниковъ. Но въ дѣйствительности природа *человѣка сама въ себѣ заключаетъ извѣстный идеаль* и дѣло педагога не сочинять его, а *понять*. Дѣло педагога не отливать души въ форму произвольнаго идеала, а способствовать *проростанію* того идеала, какой уже данъ самою природою *человѣка*“¹⁾. Вполнѣ раздѣляя эту мысль, считаемъ необходимымъ такое психологическое оправданіе и для нашего положенія.

Въ противоположность ученію о естественномъ совершенствѣ *человѣческой* природы, мы охотно сравнили-бы душу *каждаго* ребенка съ тою медалью, которую описываетъ Фенелонъ въ аллегорическомъ разсказѣ, созданномъ имъ для

¹⁾ Жизнь и воспитаніе. Русск. Обзор. 1893 г. Апрѣль. Стр. 1019.

своего воспитанника, герцога Бургонскаго. „На одной сторонѣ этой очень большой медали, говоритъ онъ, изображенъ ребенокъ съ чрезвычайно благороднымъ и прекраснымъ лицомъ. Паллада покрываетъ его своимъ щитомъ; три Граціи усыпаютъ его путь цвѣтами; Аполлонъ, сопровождаемый музами, предлагаетъ ему лиру и т. д. На оборотѣ медали совсѣмъ другое. Очевидно, что это тотъ-же ребенокъ, потому что голова та же, но вокругъ него смѣшныя и отвратительныя маски, ядовитыя гады, ехидны и змѣи, насѣкомыя, совы, грязныя гарпіи, все раздирающія своими острыми когтями“¹⁾. Такъ и въ душѣ человѣка уже отъ природы заложены силы и стремленія, до противоположности различныя по своей нравственной цѣнности. Само собою понятно, что далеко не всѣ онѣ имѣютъ право на развитіе въ періодъ воспитанія. Начала добрыя, силы высшія, инстинкты благороднѣйшіе должны составлять *pia desideria* для воспитателя; напротивъ, все низменное, по самой природѣ своей эгоистическое, всѣ эти безобразныя рельефы на оборотной сторонѣ медали, должны быть, если не совсѣмъ стерты, то въ возможной степени смягчены и затушеваны. Но какая же, спрашивается, изъ врожденныхъ душѣ человѣка потребностей выше и благороднѣе, чище и свѣтлѣе, глубже и неотразимѣе потребности вѣры въ Бога, стремленія къ безконечному, инстинкта религіознаго? Уже въ силу одного этого, религіозный элементъ долженъ былъ-бы занимать *первое* мѣсто въ воспитаніи. Но только-ли поэтому? Всмотритесь въ другія силы человѣка, давно признанныя не только законными, но и главными, основными двигателями духовной жизни.

Вотъ врожденная человѣку сила знанія, эта неискоренимая потребность, неугомонно толкающая человѣческую мысль все впередъ и впередъ къ приобрѣтенію истины. Что утолить

¹⁾ Ал. Мартенъ. О воспитаніи характера. Перев. В. Ревякина. М. 1888. стр. 53.

ету постоянную жажду и успокоить мятущійся умъ, указавъ ему желанную истину? Этого не сдѣлають никакія открытія и изобрѣтенія, потому что есть истина, не совпадающая съ познаніемъ дѣйствительности. Если-бы предъ нами открылись самые сокровенные тайники природы, если-бы все дѣйствующія силы исторіи ясно предстали нашему мысленному взору, если-бы законы жизни нашей души были постигнуты во всехъ ихъ изгибахъ и отклоненіяхъ, то и тогда осталось-бы невѣдомо для насъ одно, но самое главное: смыслъ жизни, значеніе міра. Къ этой истинѣ стремится нашъ духъ въ самой глубинѣ своего существа, поэтому ничто въ области этого временнаго, преходящаго бытія не удовлетворитъ его.

Есть другая сила, можетъ быть, еще болѣе важная въ жизни человѣка, также врожденная ему—сила дѣятельности. Гдѣ послѣдняя причина, дающая ей дѣйствительную, универсальную цѣнность, значеніе той справедливости, правды, которой опять неустанно ищетъ духъ нашъ? Ею руководить врожденная намъ идея добра или блага, проявляющаяся въ требованіяхъ нашей совѣсти. Но нужно-ли доказывать, что совѣсть, предоставленная сама себѣ, можетъ оказаться слабымъ, далеко не надежнымъ руководителемъ человѣка.

Есть въ духовной жизни нашей и еще область, также высокой цѣны и значенія. Это міръ гармоніи, міръ того сочетанія многихъ отдѣльныхъ частей въ одно стройное цѣлое, при которомъ постигается душою чувство прекраснаго и неразлучное съ нимъ чувство высокаго наслажденія. Руководитъ этою областью опять особое врожденное начало или сила, особая идея прекраснаго; но это руководство ея опять не достаточно. Яснымъ доказательствомъ тому служить переживаемое нами сейчасъ и въ живописи, и въ поэзіи, и въ другихъ видахъ эстетическаго творчества, увлеченіе такъ называемою реальною школою, въ которой дается мѣсто сюжетамъ самаго циничнаго и прямо безнравственнаго характера. Изъ области высокаго, идеальнаго мы падаемъ здѣсь въ такія низины чув-

ственности, изъ которыхъ подъемъ вверхъ, назадъ, часто становится уже очень труднымъ. Итакъ, и здѣсь мы способны заблуждаться, и здѣсь мы нуждаемся въ болѣе надежномъ руководителѣ. Такимъ руководителемъ во всѣхъ этихъ областяхъ духовной жизни нашей и служить религія христіанская и ничто другое.

Она даетъ послѣдній, единственно вѣрный отвѣтъ на запросъ человѣческой мысли объ истинѣ: ученіе и жизнь Господа Іисуса Христа—вотъ свѣтъ, при которомъ только и можно понять истинный смыслъ жизни и значеніе міра. Только въ христіанствѣ достигаетъ своего высшаго идеала и получаетъ свое истинное основаніе и та справедливость, та правда, къ которой стремится человѣческая дѣятельность. Въ Евангеліи, этомъ кодексѣ безпредѣльной, самоотверженной любви, кроются источники той истинной гуманности, которая обновила міръ и рядомъ съ которою становятся безцвѣтными, блѣдными всѣ ходячія опредѣленія ея. Если цѣль воспитанія нѣкоторыми полагается въ счастіи питомца,—на основаніи врожденнаго человѣку стремленія къ счастію,—то только въ служеніи тому-же закону христіанской любви, въ постепенномъ приближеніи къ высокому христіанскому идеалу достигается и истинное, незыблемое счастье человѣка. Одно христіанство, наконецъ, всѣмъ высокимъ идеальнымъ строемъ своимъ, способно удержать духъ человѣка въ области дѣйствительно прекраснаго, очистивъ и возвысивъ ее. Такимъ образомъ, если желательно развитіе въ питомцѣ *всѣхъ* высшихъ силъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоническое сочетаніе ихъ въ одну цѣльную личность, то это достигается именно только на почвѣ христіанской религіи. Одна она, представляя естественную общую основу для всѣхъ проявленій духовной жизни человѣка, не только не препятствуетъ полному развитію ихъ, но напротивъ—даетъ каждой изъ нихъ истинное направленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ихъ объединяетъ въ одинъ цѣльный гармонически - стройный организмъ.

Не ясно ли послѣ этого, насколько идеаль воспитанія, данный христіанствомъ, отвѣчаетъ природѣ человѣка, удовлетворяетъ прямымъ запросамъ ея. Зерно его, вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка на свѣтъ, уже заложено въ его душѣ, которая, по выраженію одного учителя церкви, уже „по природѣ своей христіанка“. Это зерно и предназначено Посѣявшимъ его именно къ тому, чтобы *прорости* здѣсь, развиться въ цѣлое прекрасное дерево и дать не менѣе прекрасные плоды. Дѣло педагога лишь разглядѣть этотъ ростокъ и затѣмъ способствовать его развитію. Если Руссо и его школа настаиваютъ на *свободѣ*, какъ основномъ принципѣ воспитанія, то здѣсь именно этотъ принципъ находитъ полное свое осуществленіе. Тѣ нормы жизни, какія предлагаетъ человѣку Евангеліе, являются не чуждыми нашему духу, стоящими, такъ сказать, внѣ его, а присущими ему законами. Поэтому въ подчиненіи имъ, въ руководствѣ ими и заключается истинная свобода человѣка, а результатъ развитія въ такой свободѣ и для нея и есть истинная нравственно-свободная человѣческая личность.

Да будетъ-же основнымъ камнемъ всего зданія воспитанія нашего христіанская религія, потому что только на этомъ камнѣ оно можетъ быть построено правильно и вполне прочно, незыблемо. „Все, чѣмъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ быть, скажемъ словами нашего отечественнаго педагога, выражено вполне въ Божественномъ ученіи, и воспитанію остается только прежде всего и въ оснѣву всего вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію; оно же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины. Это неугасающій свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человѣка и народовъ; за нимъ должно стремиться... всякое истинное воспитаніе“ ¹⁾. Никакая другая основа не замѣнитъ

¹⁾ Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго. СПб. 1875. Стр. 112—113.

его въ воспитаніи, потому что нѣтъ въ душѣ человѣка ничего глубже элемента религіознаго и нѣтъ въ мірѣ человѣческомъ никакого другаго выраженія этого элемента, болѣе высокаго и болѣе жизненнаго, кромѣ даннаго въ христіанствѣ. Не изобрѣтать основы воспитанія, а брать ихъ тамъ, гдѣ даны онѣ всему міру,—вотъ единственно вѣрный путь образованія истиннаго человѣка.

Правда, это истина старая и потому многимъ она, можетъ быть, покажется неинтересною. Дѣйствительно, она такъ же древняя, какъ самъ міръ христіанскій. Но не пытайтесь замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ „новымъ“! Именно въ стремленіи человѣка создать свои идеалы жизни, въ этихъ походахъ его за „гуманностію“, „альтруизмомъ“, „счастіемъ“, „свободой“ и т. под., во всѣхъ этихъ, яко-бы новыхъ, идеалахъ его, въ сущности-же только плохихъ варіаціяхъ, а иногда и искаженіяхъ все тѣхъ-же вѣчныхъ началъ, данныхъ христіанствомъ,—и заключается причина той сбивчивости, запутанности, неясности и, главное, той неустойчивости, въ какую попадаетъ современное воспитаніе, а съ нимъ и его продуктъ—выпускаемое имъ въ жизнь человѣчество. Особенно ясно сказывается это на западѣ. Въ его печальныхъ опытахъ изгнанія религіи изъ системы нравственнаго воспитанія, съ цѣлью яко-бы не насиловать свободы совѣсти воспитанниковъ, совершается, можно сказать, сознательное убійство человѣка; потому что съ умерщвленіемъ въ юной развивающейся душѣ самыхъ жизненныхъ и благородныхъ нервовъ ея или, лучше сказать, самаго центра, куда сходятся и гдѣ питаются всѣ многоразличныя нити духовнаго организма, жизнь послѣдняго, конечно, должна прекратиться. Въ христіанства нѣтъ истинныхъ путей воспитанія.

Не остановиться-ли намъ здѣсь, на этой основѣ воспитанія, какъ на послѣднемъ рѣшеніи нашего вопроса? Новѣйшій педагогика, желая стоять на научной почвѣ, конечно, стремится къ универсальному рѣшенію всѣхъ педагогическихъ

вопросовъ. Она старается выработать для воспитательнаго дѣла идеалы, методы, приемы общегодные и потому одинаково обязательные для всѣхъ народовъ. Но въ какихъ предѣлахъ возможно это? Можно-ли воспитать человѣка внѣ всякой связи съ его націей, народомъ? Можно-ли воспитать христіанина безъ всякаго конфессіональнаго выраженія этого христіанства? Такъ и училъ Руссо, который своему Эмилю до 18 лѣтъ ничего не говоритъ о Богѣ, а затѣмъ, считая религію все-же „регуляторомъ“ страстей, знакомитъ своего питомца только съ самыми общими сторонами предмета, представляя ему самому послѣ избрать то исповѣданіе, какое одобрить его собственный разумъ. Слѣдую тому же принципу, и филантрописты на урокахъ религіи въ своихъ школахъ сажали рядомъ христіанъ и іудеевъ, католиковъ и протестантовъ. Но какіе результаты должны были получиться послѣ такого воспитанія?

Отвѣтитъ на всѣ эти вопросы можно только послѣ предварительнаго уясненія того значенія, какое принадлежитъ въ жизни человѣка началу народности; поэтому къ нему я и переношу ваше вниманіе.

Что такое народность?

Въ широкомъ смыслѣ слова, это—совокупность всѣхъ тѣхъ особенныхъ свойствъ, въ которыхъ выражается характеръ народа, которыя даютъ ему, такъ сказать, индивидуальный обликъ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Самымъ лучшимъ, нагляднымъ выразителемъ всего существа народа является языкъ народа. „Въ языкѣ, говоритъ К. Д. Ушинскій, одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, картину и звукъ“ вся природа родной страны; въ немъ-же отражается и вся исторія духовной жизни народа. „Въ сокровищницу роднаго слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды

историческихъ событій, вѣрованія, возрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое, живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ жизненность народа, но есть именно сама эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, народа нѣтъ болѣе... Вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ¹⁾.

Однако не въ языкѣ сущность народности. Какъ и въ личности каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ великой личности цѣлаго народа языкъ есть все-же только средство для выраженія міра души. Это, такъ сказать, лишь одежда, покровъ, въ который облекается духъ народа. Сущность-же самой этой народной личности заключается въ особомъ складѣ или строѣ духовныхъ силъ и духовной жизни народа.

Каждому культурному народу присущи общечеловѣческіе интересы, стремленія, идеалы—религіозные, этическіе, научные, эстетическіе, соціальные и др.; тѣмъ не менѣе, въ каждомъ развитомъ народѣ они являются въ особомъ, индивидуальномъ, этому только народу свойственномъ, органическомъ строѣ. Здѣсь не всѣ они получаютъ одинаковую цѣну и значеніе, почему не одинаково и комбинируются, складываются въ одинъ духовный обликъ. Соотвѣтственно особымъ расположеніямъ и склонностямъ народа, одни изъ нихъ выдвигаются на первый планъ, получаютъ большее значеніе, болѣе развиваются и становятся главными руководящими началами въ исторической жизни народа. Они-то и даютъ народной личности отличительную окраску, въ то время какъ другія стороны въ ней отодвигаются назадъ и какъ-бы становятся въ тѣни. Каждый народъ, напр., живетъ идеалами ре-

¹⁾ Собр. педагог. сочин. Ушинскаго, стр. 201—202.

лигіи, морали, науки, искусства; однако въ древне-греческомъ мірѣ мы видимъ слишкомъ ясное преобладаніе послѣдняго. Такъ, греческая філософія связываетъ всѣ эти идеалы воедино подъ угломъ зрѣнія прекраснаго. То же начало царитъ здѣсь и въ жизни, которая конечною цѣлію для себя ставитъ счастье, благо, въ смыслѣ максимума удовольствій, наслажденій. Тому же началу подчиняется и религія: тотъ же идеалъ красоты, рукою поэтовъ и скульпторовъ, создаетъ и греческихъ боговъ. Напротивъ, у нѣкоторыхъ народовъ запада въ новѣйшее время столь-же ясно получаетъ господствующее значеніе идеалъ положительной науки, естествознанія, объединяющій всѣ другія стремленія и силы подъ знаменемъ одной идеи—общей пользы, общаго благополучія. Отсюда—утилитаризмъ проходитъ красною нитью и въ ихъ філософіи, и въ жизни, и даже въ произведеніяхъ искусства.

Конечно, такое исключительное преобладаніе одного изъ высшихъ началъ надъ остальными не всегда выражается въ такой рѣзкой степени и потому не вездѣ ясно замѣтно. Но не у каждаго народа оно составляетъ и главную характерную черту народной личности: послѣдняя, какъ и большинство единичныхъ человѣческихъ личностей, проявляется и въ другихъ, болѣе тонкихъ чертахъ. Такъ, въ одной и той-же области науки могутъ быть различныя, руководящія ею мотивы, могутъ ставиться для нея различныя задачи, могутъ идти различными путями къ рѣшенію этихъ задачъ. Отсюда получаются такого рода особенности народнаго духа. „Тогда какъ одинъ (народъ) неподражаемъ въ точности и глубинѣ анализа, другой съ любовью ищетъ всюду аналогій; одинъ старается достигнуть полноты въ спеціальной области, другой ото всякой частности стремится къ высшимъ обобщеніямъ;... одинъ весь погруженъ въ накопленіе и систематизацію холоднаго, объективнаго знанія, другой—ищетъ *мудрости*, руководящей нравственною жизнью, и болѣе интересуется изученіемъ субъективнаго, духовнаго міра и т. д.

Такъ и въ искусствѣ. Одинъ все символизируетъ, другой стремится къ объективной передачѣ, а третій дидактиченъ; одинъ превосходитъ въ развитіи характеровъ, другой—въ развитіи положеній, дѣйствій“¹⁾... Такъ создаются національные отличіи въ наукѣ²⁾ и искусствѣ. Но то-же самое наблюдается и въ области моральныхъ идей и даже въ религіи.

Въ религіи заключена, можно сказать, самая высшая, идеальная сторона народной личности; поэтому о достоинствѣ послѣдней вѣрнѣе всего можно судить именно по чертамъ религіознаго міровоззрѣнія народа. Самое ядро души народа, самыя глубокія и завѣтныя его чаянія и надежды, ключъ къ разгадкѣ всѣхъ изгибовъ его міросозерцанія—даны въ религіи народа. Здѣсь—высшая санкція многихъ особенностей народной жизни, здѣсь-же и главный залогъ ихъ долговѣчности: ничѣмъ ни дорожить такъ народъ, какъ своею вѣрою и тѣмъ, что связано съ нею и ею освящено. Религія, такимъ образомъ, даже больше чѣмъ языкъ является хранительницею и выразительницею народнаго духа и характера. Не говоря о естественныхъ религіяхъ древняго міра, изъ которыхъ каждая запечатлена особымъ характеромъ народа,—даже откровенныя истины христіанства, имѣющія универсальное, все-ленское значеніе, проникая въ плоть и кровь народа, воспринимаются и усваиваются имъ сообразно съ его силами и способностями.

Всѣ эти элементы народности тѣсно сплавиваются въоедино тысячи и миллионы отдѣльныхъ человѣческихъ личностей и говорятъ въ нихъ голосомъ, одинаково понятнымъ сердцу каждой изъ нихъ, голосомъ самой горячей, самой преданной любви человѣка къ своей родинѣ, ко всему родному. Они

¹⁾ П. Е. Астафьевъ. Національность и общечеловѣческія задачи. М. 1890. Стр. 12—13.

²⁾ См. еще Россія и Европа Н. Я. Данилевскаго. (ПБ. 1871. Стр. 135—140.

создастъ то великое *чувство* народности, о которомъ говорятъ, что оно „при общей гибели въ человѣкѣ всего святаго и благороднаго, гибнетъ послѣднее“¹⁾. Но они же образуютъ и ту великую непреоборимую силу, которою направляется вся историческая жизнь народа. Народъ живетъ историческою жизнію лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ самомъ живутъ начала, создающія особенный индивидуальный строй его души, начала его самобытности. Нѣтъ этихъ началъ, значить—иссякъ источникъ его самостоятельной жизнедѣятельности, и народъ умираетъ: отрекается отъ своей исторической роли и обращается въ простой этнографическій матеріалъ. Напротивъ, чѣмъ крѣпче эти начала, чѣмъ болѣе сплочены они въ одинъ организмъ, тѣмъ ярче національный обликъ и тѣмъ болѣе народъ можетъ разсчитывать на долговѣчность. Но для этого необходимо одно непремѣнное условіе—сознательность этихъ началъ. Какъ въ каждой отдѣльной человѣческой личности безъ самосознанія всѣ акты ея жизни и дѣятельности потеряли бы всякое значеніе, потому что имъ недоставало бы тогда одного изъ главныхъ элементовъ человѣчности, именно—характера разумности и свободы, такъ и въ жизни цѣлаго народа: только полное сознаніе своихъ силъ и способностей можетъ правильно указать народу его историческое призваніе и вѣрно направить его шаги на историческомъ поприщѣ.

Такъ въ народности дана великая сила жизни каждаго отдѣльнаго народа. Но этого мало: въ ней заключается прин-

¹⁾ „Въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, говоритъ Ушинскій, можно еще донсаться искры любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ неистощимой власти надъ сердцемъ человѣка. Есть примѣры ненависти къ родинѣ; но сколько любви бываетъ иногда въ этой ненависти! Взгляните на людей, поселившихся на чужбинѣ, и вы убѣдитесь вполне, какъ живуча народность въ человѣкѣ... Можно позабыть имя своей родины и носить въ себѣ ея характеръ... Такъ глубоко и сильно вкоренилъ Творецъ элементъ народности въ человѣкѣ“.—Собр. педагог. сочиненій, стр. 109—110.

ципъ жизни не узко-національный—и потому эгоистическій, разъединяющій, мѣшающій сближенію народовъ, ихъ прогрессу и т. д.,—а общечеловѣческій.

Есть идеалы и задачи, которыя признаются „сверхна-
родными“, общечеловѣческими, поэтому имѣющими универ-
сальное и вѣчное значеніе. Но можетъ-ли человѣкъ отдаться
служенію имъ, отказавшись отъ естественнаго, такъ сказать,
текущаго въ самой крови его, начала своей народности? Какъ-
бы ни былъ онъ богато одаренъ силами отъ природы и ка-
кого-бы развитія эти силы ни достигли въ немъ, всегда че-
ловѣкъ является все-таки существомъ несовершеннымъ, огра-
ниченнымъ. Онъ ограниченъ уже въ силу своей индивидуаль-
ности, т. е. того своеобразнаго, исключительнаго склада пси-
хической жизни, который по необходимости въ самомъ себѣ
уже носитъ характеръ своей односторонности. Уже отсюда
ясно, можетъ-ли человѣкъ взять на себя величайшую миссію
міроваго, общечеловѣческаго служенія. Это доступно было
одному только Сыну Человѣческому; но Онъ былъ Сынъ Бо-
жій. Правда, каждый человѣкъ, по самой природѣ своей,
способенъ познать и уразумѣть самыя высокія общечеловѣче-
скія задачи; не только способенъ, но расположенъ онъ и пре-
клониться предъ ними, и стремиться къ нимъ. Но вѣдь этого
не достаточно. Необходимо, чтобы эти начала вошли въ его
личную жизнь, проникли въ сущность его индивидуальности,
обратились въ собственный живой голосъ его души; а для
этого они, сами по себѣ, слишкомъ грандіозны, слишкомъ
отвлеченны: имъ нечѣмъ прикрѣпиться къ индивидуальной душѣ
человѣческой. Какъ и во всѣхъ областяхъ жизни въ природѣ,
съ ея постояннымъ процессомъ развитія всеобщаго въ ча-
стныхъ видахъ, частнѣйшихъ разновидностяхъ и наконецъ
уже единичныхъ особяхъ, мы наблюдаемъ тотъ неизмѣнный
законъ постепенности, въ силу котораго единичное участвуетъ
въ жизни общаго только чрезъ посредство среднихъ членовъ,
такъ и въ жизни человѣка, въ отношеніи ея къ жизни всего

человѣчества: и здѣсь необходимъ средній членъ, необходимо связующее звено. Таковымъ и является племя, народъ. Поэтому всѣ самые высокіе идеалы, за которыми признано значеніе общечеловѣческихъ, универсальныхъ, не могутъ жить и дѣйствовать внѣ связи съ тою средою, которую мы называемъ народностью. Идеалы эти, оторванные отъ народной почвы, теряютъ свою жизнеспособность, потому-что почва эта не только владеть на нихъ своеобразную окраску, но даетъ имъ именно то, безъ чего они утратили-бы свое значеніе: только на ней, только входя въ крѣпко сплоченный органическій строй духовныхъ силъ народа, они становятся силами жизнедеятельными, управляющими жизнью человѣка. Внѣ этого культурнаго строя они остаются лишь холодными отвлеченными идеями, ничего не говорящими нашему сердцу.

Отсюда—то жалкое положеніе, въ какое попадаетъ человѣкъ, оторвавшійся отъ организма своего народа. „Паразитное растеніе на родной почвѣ, писалъ еще К. С. Аксаковъ, такой человѣкъ, не осѣненный духомъ народнымъ, безъ всякой нужды является и исчезаетъ безъ нужды... И бесполезно - пусто проходить человѣкъ по землѣ,... не привязанный къ человѣчеству, ибо не привязанный къ народу, пусто и бесполезно, безъ плода и слѣда, знавшій лишь удовольствіе эгоизма, не знавшій труда жизни“¹⁾... Напротивъ, сколько благъ, и именно общечеловѣческихъ, вносить въ общую сокровищницу народъ, служа повидимому только себѣ, развиваясь въ своей родной средѣ, прислушиваясь къ біенію своего сердца и живя въ тактъ ему! Именно только при такомъ естественномъ раздѣленіи труда, когда каждый народъ, развиваясь въ *своей* области, несетъ въ общее достояніе результаты *своей* жизни и дѣятельности, и возможны та полнота и та многосторонность въ рѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ, которыя и служатъ признаками прогресса.

¹⁾ О воспитаніи. К. С. Аксакова. Девъ. 1863 г. № 1.

Итакъ, не эгоизмъ, а напротивъ—служеніе интересамъ всего человѣчества, не застой, а истинный прогрессъ послѣдняго находятъ корень и осуществленіе свое въ принципѣ народности. Принципъ этотъ не только не исключаетъ идеаловъ и задачъ общечеловѣческихъ, а самъ ведетъ къ достиженію ихъ. Не противорѣчитъ онъ, въ частности, и тѣмъ вѣчнымъ универсальнымъ идеаламъ жизни, которые даны человѣку въ божественномъ словѣ Евангелія. Такъ, основная заповѣдь христіанства о любви ко *всѣмъ* людямъ не только не нарушается и даже не ослабляется началомъ народности, а напротивъ—въ немъ находитъ прямой, естественный путь къ своему осуществленію: до такого идеала можетъ возвыситься только сердце, уже согрѣтое любовью къ своему, родному. Здѣсь тотъ же законъ природы—законъ постепенности развитія—дѣйствуетъ еще съ большею силою. Только истинный сынъ своего народа, носящій въ собственной груди искру жизни своей отчизны и любви къ ней, способенъ возвыситься до уваженія и любви и ко всему человѣчеству „Только самостоятельный человѣкъ, говоритъ тотъ же Аксаковъ, пойметъ чужую мысль, только народный человѣкъ пойметъ чуждые народы, только принадлежащій своему народу и никакому другому—принадлежитъ человѣчеству“¹⁾. Любить *всѣхъ* людей *безъ всякаго различія своего и чужаго*—эта отвлеченная космополитическая идея можетъ выродиться и въ холодное, безучастное равнодушіе къ чужому и къ своему. Здѣсь прямо чувствуется потребность въ болѣе осязательныхъ, болѣе близкихъ объектахъ, и они даны—въ нашей семьѣ, въ нашемъ народѣ, въ нашемъ отечествѣ. Поэтому и христіанство, отвѣчая естественнымъ запросамъ и силамъ души человѣческой, своею великою заповѣдью универсальной любви не разрушаетъ этой законной связи человѣка съ людьми ближайшими ему, а напротивъ—освящаетъ и укрѣпляетъ

¹⁾ День. 1863 г. № 1.

ее и, воспитывая человѣка въ любви прежде всего къ своимъ приснымъ, къ своему народу, стремится распространить эту любовь и на все человѣчество.

Полагаемъ, что и этого бѣглаго анализа начала народности достаточно для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о значеніи его. Внѣ народности, какъ естественной и необходимой почвы своей, не можетъ жить и развиваться ни одна область въ человѣкѣ. Не можетъ поэтому оторваться отъ этой почвы и стоять внѣ ея и такое общечеловѣческое явленіе, какъ воспитаніе; у каждаго народа оно должно идти своею дорогою. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Мы видѣли уже, насколько различались задачи воспитанія у народовъ древняго міра; то же различіе найдемъ мы и въ наше время у всѣхъ культурныхъ народовъ. Не смотря на единство христіанскихъ началъ, сила народности сказывается и здѣсь замѣтнымъ образомъ, и еще Ушинскимъ указаны были характеристическія черты въ воспитаніи у различныхъ народовъ запада. Такъ, склонность къ отвлеченію и систематизаціи, типичная черта нѣмецкаго народа, выразилась соотвѣтствующимъ образомъ и въ нѣмецкой педагогикѣ, стремящейся къ научной обоснованности, къ полнотѣ, всесторонности и систематичности своего построенія, и въ практикѣ нѣмецкаго воспитанія, преслѣдующаго на первомъ планѣ ту же всесторонность познаній, а не развитіе и укрѣпленіе характера. Зато послѣднее проходитъ яркою чертою въ воспитательныхъ системахъ Англіи. Характеръ, привычка владѣть и управлять собою (selfgovernment)—эта необходимая принадлежность всякаго истиннаго джентльмена—составляютъ здѣсь высшій идеалъ воспитанія. Самыя знаменитыя школы Англіи, всѣ древніе университеты ея—болѣе воспитательныя, нежели учебныя заведенія. Здѣсь уже въ самыхъ стѣнахъ неизмѣнно живетъ, подобно домовому, особый духъ, особый характеръ, одинаково подчиняющій себѣ и учениковъ, и наставниковъ, и даже прислугу. Во французскомъ воспитаніи труднѣе под-

мѣтитъ его характерныя черты. Повидимому, не нравственная личность челоуѣка, не сила характера и не всесторонность умственного образованія составляютъ кульминаціонный пунктъ его стремленій, а скорѣе совершенствованіе въ техническихъ областяхъ знанія, составляющихъ гордость Франціи, питающихъ ея тщеславіе, вполне отвѣчающихъ вѣдѣнію блеску француза. Еще труднѣе очертить типъ американскаго воспитанія, вслѣдствіе тѣхъ крайне разнообразныхъ условій, среди которыхъ сложилась здѣсь жизнь челоуѣка. Здѣсь поражаютъ наблюдателя и необычайное разнообразіе учебныхъ программъ, и широкое участіе въ учебномъ дѣлѣ, даже въ высшихъ школахъ, женщины, и обособленность религіознаго элемента, не входящаго въ системы общественнаго воспитанія, а предоставленнаго заботамъ самихъ, столь многочисленныхъ здѣсь, религіозныхъ сектъ. Развитіе характера, впрочемъ, и здѣсь стоитъ въ первомъ ряду воспитательныхъ цѣлей¹⁾.

Не беремъ на себя задачу исправлять и дополнять недочеты въ этой характеристикѣ воспитательныхъ типовъ западныхъ народовъ: это дѣло весьма трудное, требующее притомъ спеціальнаго изслѣдованія. Для нашей цѣли, впрочемъ, эти неточности и не такъ важны. Для насъ важенъ фактъ, что каждый народъ вырабатываетъ *свой* идеалъ воспитанія, какъ разъ отвѣчающій особенностямъ его характера и запросамъ его склада жизни, а этотъ фактъ—на лицо.

Но уже этотъ фактъ непремѣнной націонализаціи всякаго воспитанія не служитъ-ли, самъ по себѣ, нагляднымъ доказательствомъ, что только то воспитаніе и идетъ правильно дорогою, къ истинно-благимъ результатамъ, которое ясно чувствуетъ подъ собою эту національную почву, что всякое воспитаніе тогда только и можетъ быть прочно, когда

¹⁾ Собр. педагог. сочиненій Ушинскаго. Стр. 31—73.

утверждается на коренныхъ началахъ жизни народной, тогда только и можетъ быть плодотворно, когда, вполне отвѣчая основнымъ потребностямъ народа, легко воспринимается и усвоится народнымъ сознаниемъ. Худо, если оно идетъ мимо этихъ естественныхъ началъ своего народа, или несознательно уклоняясь отъ нихъ, или намѣренно игнорируя ихъ, замѣняя свое чужимъ, якобы лучшимъ: ему никогда не достичь въ такомъ случаѣ значенія той жизненной силы, какою является воспитаніе истинно-народное. Но еще хуже, если оно идетъ въ *разрывъ* съ этими началами, прямо *противъ* нихъ: тогда оно вноситъ великое зло въ жизнь государства, потому что непременно порождаетъ внутреннюю вражду, несогласіе, борьбу между началами чуждыми и національными, заявляющими свои законныя права.

Къ счастію, каждый народъ уже инстинктивно, безсознательно стремится идти и здѣсь своею собственною дорою, и только какія нибудь особенно неблагоприятныя условія могутъ сбить его съ его естественнаго пути. Но этого мало, этимъ нельзя довольствоваться, предоставивъ дѣло, какъ нѣкоторые того требуютъ, самому себѣ¹⁾. Необходимо освѣтить этотъ путь свѣтомъ сознанія; необходимо сознательно провести начало своей народности въ свое воспитательное дѣло; въ противномъ случаѣ, послѣднее все-таки будетъ идти лишь ощупью, наугадъ, неуверенно, съ возможностью колебаній и заблужденій. И чѣмъ болѣе окрѣпъ народъ въ своихъ самобытныхъ силахъ, чѣмъ глубже его самосознаніе, тѣмъ прочнѣе стоитъ и его воспитаніе, потому что тогда оно сознательно строится на своихъ естественныхъ, живыхъ, национальныхъ началахъ. Но въ такомъ случаѣ и оно, съ своей стороны, является великою народною силою, самымъ луч-

¹⁾ В. Соловьевъ. Любовь къ народу и русскій народный идеалъ. Прав. Обзор. 1884 г. Апрѣль. Стр. 800. Е. Марковъ. Учебно-воспит. библіотека 1876 г. Т. 1. Отд. 1. стр. 125.

шимъ очагомъ, у котораго согрѣвается, оживляется и питается то же народное самосознаніе. Такъ тѣсно связано воспитаніе съ началами народности: созидался на этихъ началахъ, воспитаніе находитъ въ нихъ твердую, истинную основу для себя и само съ своей стороны служить этимъ началамъ, способствуя ихъ развитію и сознательному усвоенію народомъ.

Возвращаясь теперь къ своему вопросу, мы безъ труда можемъ рѣшить его. Нельзя созидать воспитаніе на началахъ только универсальнаго характера, забывая о той естественной жизненной почвѣ, какую представляютъ для него своеобразныя силы и способности даннаго народа. Нельзя ставить идеаломъ воспитанія только *человѣка—христіанина*, безъ болѣе конкретнаго, національнаго уясненія его. А если такъ, то и намъ никакъ нельзя обойтись безъ одного, на первый взглядъ, можетъ быть, и незначительнаго, на самомъ-же дѣлѣ чрезвычайно важнаго, крайне необходимаго, добавленія къ нему: *человѣка и христіанина русскаго* должно поставить своимъ идеаломъ наше воспитаніе.

Если теперь отъ этихъ общихъ положеній мы перейдемъ на конкретную почву своей русской дѣйствительности, то мы безъ труда замѣтимъ, что именно у насъ русскихъ до сихъ поръ еще не *совсѣмъ* твердо чувствуется своя національная почва подъ ногами. Съ неуклонною энергіею вотъ уже два вѣка гонимся мы за культурою запада, хватая налету послѣдніе результаты его науки и искусства, переноса къ себѣ его формы общежитія, давая у себя не только пріютъ, но и всевозможныя привилегіи всѣмъ являющимся къ намъ съ запада въ родѣ нашихъ наставниковъ. Между тѣмъ, по отношенію къ своему родному у насъ и теперь еще наблюдается какое-то странное, совершенно противоестественное, равнодушіе, которое начинаютъ уже называть отличительною чертою русской націи, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ ея.

Было бы не у мѣста входить въ разборъ причинъ этого страннаго явленія и въ оцѣнку тѣхъ результатовъ, какіе породило оно на нашей русской землѣ. Мы отмѣчаемъ только печальный фактъ, который едва-ли кто станетъ отрицать: это—крайне слабая связь русскаго развитаго, интеллигентнаго человѣка съ его родною русскою жизнью, съ ея бытомъ и обстановкою, со всѣмъ ея укладомъ. И крайне странно не столько предпочтеніе началъ жизни запада само по себѣ, сколько именно это равнодушное, безучастное отношеніе къ своему, *прямое* и именно какое-то *упрямое* нежеланіе даже ближе познакомиться съ нимъ.

Эта-же своеобразная черта замѣтна и въ нашемъ общественномъ воспитаніи. Посмотрите на наши школы, на постановку учебнаго и воспитательнаго дѣла въ нихъ, загляните въ ихъ программы и скажите: что воспитываетъ здѣсь въ юной развивающейся душѣ необходимыя, естественныя національныя силы? Много-ли кладется на это заботы и энергій? Много-ли говорятъ юношѣ о томъ, что онъ русскій человѣкъ, сынъ великаго народа, съ честью прошедшаго крутой тяжелой подъемъ вверхъ, къ свѣту исторіи, съ честью идущаго теперь своею историческою дорогою, непреклонно выполняя свою историческую миссію? Много-ли говорятъ съ нимъ о его родинѣ вообще, о ея хотя-бы современныхъ учрежденіяхъ и всей обстановкѣ ея жизни? Къ сожалѣнію, именно на эти вопросы школа отвѣчаетъ какъ-то робко и словно неохотно, удѣляя большую часть времени, забирая почти всѣ силы учащихся на усвоеніе многихъ областей знанія, въ которыхъ русскій элементъ или едва замѣтенъ, или совсѣмъ отсутствуетъ. Справедливо замѣчаютъ, что „по той программѣ, по которой мы воспитывали и образовывали себя, можно съ одинаковымъ удобствомъ воспитывать и китайца, и японца, и всякаго иностранца“¹⁾.

¹⁾ Значеніе русской словесности въ національномъ русскомъ образованіи
Проф. А. Царевскаго, Казань. 1893 стр. 21.

Сложилась такая постановка дѣла, правда, совершенно естественнымъ путемъ, какъ неизбежный результатъ историческихъ условій: не сами мы создавали наши первыя школы, не мы руководили ими и долгое время потомъ. Обратите вниманіе хотя-бы на то обиліе иностранныхъ учителей, которые пестрою вереницею на протяженіи всей нашей исторіи шли къ намъ изъ всѣхъ странъ Европы. Кого не было въ нашей школѣ! За греками, нашими первыми учителями, явились выходцы изъ латинскихъ школъ. Съ Петромъ Великимъ начинается наплывъ западныхъ иностранцевъ, съ преобладаніемъ то нѣмцевъ, то французовъ. Самое послѣднее нашествіе иностранцевъ на русскія школы, о которомъ преданіе еще слишкомъ свѣжо, было нашествіе австрійскихъ чеховъ. „Однимъ словомъ, какъ говоритъ П. О. Каптеревъ, всѣ дванадцать племенъ, поднявшіеся на Русь въ 1812 г., побывали въ русскихъ школахъ учителями и въ русскихъ семьяхъ гувернерами и гувернантками“ ¹⁾).

Что удивительнаго послѣ этого, если свой русскій элементъ въ нашей школѣ и плохо развитъ, если даже въ такихъ предметахъ, какъ русскій языкъ, русская географія и исторія, къ стыду нашему, приняты не нашъ методъ, а иногда (какъ въ географіи) не наша и редакція и, во всякомъ случаѣ, преподаваніе этихъ, казалось-бы, первыхъ по важности предметовъ, далеко отъ желательной истинно-національной постановки.

Но то, что вызвано было особыми историческими условіями, не должно, конечно, оставаться неизмѣннымъ и въ то время, когда этихъ условій уже нѣтъ. Обстоятельства, при которыхъ насаждалась и развивалась наша школа, давно уже не тѣ. На мѣстѣ молодого, гибкаго и дикаго побѣга теперь стоитъ колоссальное могучее дерево; изъ разрозненныхъ по-

¹⁾ Объ общественныхъ задачахъ образованія. П. Каптерева. Русская Школа 1892 г. кн. 1.

лудикихъ языческихъ племень выросъ и окрѣпъ великій христіанскій народъ. Не пора-ли предоставить это дерево собственному развитію? Не вправѣ-ли этотъ народъ требовать уваженія своихъ національныхъ силъ и способностей?

И въ послѣднее время, дѣйствительно, все чаще и настойчивѣе раздаются голоса истинно-русскихъ людей, призывающіе возвратиться къ себѣ, домой. Вниманіе безпристрастнаго наблюдателя давно уже останавливаютъ на себѣ такіа печальныя явленія въ жизни запада, которыя сами производятъ свой рѣшительный приговоръ. Рядомъ съ колоссальными успѣхами человѣческаго знанія, начинающаго побѣждать рѣшительно всѣ законы природы, мы видимъ здѣсь страшное колебаніе всѣхъ истинныхъ основъ человѣческой жизни. Только долговременная привычка относиться къ западу съ безотчетнымъ уваженіемъ закрываетъ наши глаза на всѣ такіа явленія и мѣшаетъ отнестись къ нимъ критически. Но пора отряхнуться и обратиться къ самимъ себѣ. Есть-ли у насъ *свои силы*, каковыя мы не колеблясь признаемъ за другими народами, и имѣемъ-ли мы *свое призваніе* въ общемировой исторіи—или-же ни на что, кромѣ ошибокъ и заблужденій, безъ чужой помощи мы не способны и потому нашъ горькій удѣлъ, дѣйствительно, лишь „подвигъ самоотреченія“? Узнать себя, а для этого внимательнѣе всмотрѣться во всѣ подробности, во всѣ даже мельчайшіе штрихи въ чудной, загадочной исторической картинѣ великой Руси—вотъ что намъ нужно. Только такимъ образомъ мы съумѣемъ правильно понять и оцѣнить свои силы и слабости, свои достоинства и недостатки, а понявъ и оцѣнивъ ихъ, навѣрное успѣемъ и полюбить то, что есть у насъ достойнаго любви, во всякомъ-же случаѣ, только такимъ путемъ и можно найти истинно національную основу для нашего воспитанія: ее можетъ указать только народная психологія. Коренной вопросъ нашей педагогики—оставивъ свой нынѣшній путь пересаживанія на русскую почву приѣмовъ и методовъ, выработанныхъ западомъ, проникнуть въ

душу своего народа, понять ея особенности, и уже на почвѣ этихъ національно-психологическихъ данныхъ выработать свою систему воспитанія.

Безъ сомнѣнія, это великая и трудная задача, рѣшить которую вполне можетъ только будущее. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ еще ничего не было сдѣлано для ея рѣшенія. Высокіе и свѣтлые умы нашихъ первыхъ славянофиловъ—И. Кирѣевского, А. Хомякова, К. Аксакова и др. еще между 30-ми и 50-ми годами истекающаго столѣтія заложили въ своихъ трудахъ прочное основаніе великой доктрины, направленной къ выясненію духовнаго образа русскаго человѣка. За ними пошли и идутъ къ той-же священной цѣли многіе истинно-русскіе люди, неся свой посильный трудъ на это общее благое дѣло, все болѣе и болѣе раскрывая особенности русскаго народа и указывая Россіи ея историческое призваніе. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, главныя, существенныя черты нашей народности являются уже уясненными. Въ чемъ же основной, центральный, самый жизненный нервъ русской души?

Не въ стремленіи къ политическому могуществу, всемірному господству, не въ жаднѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній и внѣшняго благополучія вообще, не въ увлеченіи разнообразными задачами внѣшняго упорядоченія жизни, внѣшней организаціи, еще менѣе—въ національномъ тщеславіи, легкомысленномъ самопревознесеніи надъ всѣми другими народами: всѣ жизненныя силы русскаго народа сконцентрированы вокругъ одного коренного, хотя, можетъ быть, часто и безсознательнаго стремленія—сохранить въ цѣлости и неповрежденности внутренній міръ *своей души*, сберечь, спасти *свою душу*. Не политическій, не научный, не эстетическій, даже не формально-этический, а нравственно-религіозный идеалъ заправляетъ всею жизнію русскаго народа во всѣ періоды его исторіи. „Мы, русскіе, говоритъ профессоръ Н. Гротъ, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія,

повидимому, склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно-этическому... Славянофилы проповѣдывали философію „вѣры“. Господство этическихъ интересовъ проявлялось и другими способами—какъ въ самыхъ лучшихъ, такъ и въ самыхъ уродливыхъ направленіяхъ нашего самосознанія. Этическіе интересы лежатъ въ основаніи нашихъ лучшихъ художественныхъ явленій (Гоголь, Лермонтовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Щедринъ)... Этический интересъ общаго блага давалъ своеобразное и иногда даже слишкомъ рѣзкое направленіе нашей исторіи... Такимъ образомъ, по всей видимости, нашему народному міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ *нравственные* интересы жизни“¹⁾... Но, повторяемъ, не формально-нравственная, а именно нравственно-религіозная сторона жизни, инстинктъ нравственно-религіознаго самосохраненія является въ русскомъ типѣ преобладающимъ.

Въ душѣ русскаго народа заложена Творцомъ, какъ самая характерная черта ея, особенная жажда религіозной истины, ясно сказавшаяся и въ нормальныхъ явленіяхъ, и даже въ самыхъ искаженіяхъ ея. Уже принятіе христіанства является здѣсь актомъ свободнаго исканія религіозной истины душою, не удовлетворяющеюся язычествомъ, а не слѣдствіемъ политическаго преобладанія, культурнаго давленія, или религіозной пропаганды, чаще всего вліяющихъ на переменъ народомъ своей вѣры. Найдя затѣмъ полное удовлетвореніе всѣмъ существеннымъ нуждамъ своего духа въ высокихъ истинахъ Евангелія, русскій народъ всѣми силами своими старается сохранить это сокровище въ цѣлости и, слишкомъ дорожа имъ, слишкомъ боясь поврежденій и искаженій въ немъ, переходитъ здѣсь даже границы должнаго, вызывая расколъ старообрядства. Такимъ образомъ, отличительно-русскій идеалъ, какъ мѣтко выразился и проповѣдникъ нашего самоотреченія,

¹⁾ Вопросы философіи и психологіи 1889 г. кн. I. стр. XVIII.

есть идеаль „святости“. Въ то время какъ французъ говорить о прекрасной Франціи и о французской *слави*, англичанинъ съ любовью говорить: старая Англія, а нѣмецъ съ національною гордостью превозноситъ нѣмецкую *честность*, русскій народъ свою благоговѣйную любовь къ родинѣ выражаетъ не иначе, какъ словами: „святая Русь“ ¹⁾.

Но что-же дѣлаетъ Русь „святою“, въ чемъ святость ея, какъ не въ той вѣрѣ отцевъ ея, хранить которую отъ всякихъ поврежденій послѣ Византіи есть священный жребій русскаго народа, историческое призваніе великаго русскаго государства! Ни католицизмъ, чуждый духу русскаго человека съ его пониманіемъ истинной христіанской свободы и авторитета церкви, ни протестантизмъ, совершенно противный русскому смиренію, этой коренной чертѣ нашего народа и этому первому основанію истинно-религіознаго характера, не могутъ удовлетворить религіозныхъ потребностей русской души. Только церковь православная, ясно раздѣляющая области Божескую и человѣческую, уравнивающая авторитетъ и свободу, не измѣняющаяся въ своемъ богоутвержденномъ ученіи, вполне отвѣчаетъ всему складу русскаго народа,—чуждаго характера насильственности романо-германскихъ племенъ, напротивъ, проникнутаго самою широкою терпимостью, преисполненнаго поразительнаго терпѣнія, выработаннаго трудными подвигами тысячелѣтней жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ—благодущія, не поколебимаго никакими житейскими невзгодами, и самой широкой гуманности. Вотъ почему вѣра православная и никакая другая, какъ изстари, такъ и понынѣ направляла и направляетъ каждый шагъ въ жизни русскаго человека, являющагося болѣе и прежде всего сыномъ своей православной церкви. Поэтому-же она и дороже для него всего на свѣтѣ.

¹⁾ В. Соловьевъ. Прав. Обзор. 1884 г. кн. 4 стр. 809—810.
Религія и народность.

Зная уже одну эту коренную черту нашего русскаго народа, мы легко можемъ указать и ту истинную основу, на которой должна быть построена наша, своя собственная, національная система воспитанія.

Раньше мы пришли къ необходимому заключенію, что только въ религіи христіанской данъ истинный идеаль чело-вѣка, которымъ и должно руководиться воспитаніе. Но послѣднее, какъ мы видѣли потомъ, не можетъ отрѣшиться и отъ началъ народности. Теперь оказывается, что существенная, самая коренная черта нашего народа и есть его вѣра христіанская, православная. Такимъ образомъ и начала народности нашей только еще болѣе подтверждають и уясняютъ тотъ-же христіанскій идеаль воспитанія: въ нихъ мы находимъ только болѣе конкретное выраженіе его, отвѣчающее уже запросамъ нашей жизни. Тѣ-же начала религіи христіанской, но именно въ ея восточной православной формѣ, ту вѣру православнукъ, которою искони жилъ и живетъ русскій народъ, необходимо положить краеугольнымъ камнемъ и *его воспитанія*. Если всякая истинная педагогика должна быть непремѣнно христіанскою, то наша русская педагогика должна быть христіанскою—православною прежде всего, по преимуществу: этого требуютъ не только высота началъ христіанской морали вообще, но и особенности нашей русской народности, особенная расположенность нашей святой Руси жить именно идеалами своей исконной православной вѣры. „Внутренняя задача Русской земли, писалъ А. С. Хомяковъ, есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго... Этимъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія... Воспитаніе, чтобы быть русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще, и не христіанства вообще, но съ началами православія, которое есть единственное истинное христіанство“¹⁾.

¹⁾ Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи. Русскій Архивъ 1879 г. кн. 1. стр. 116.

Созидаясь на этой первой, необходимой, ничѣмъ не замѣнимой національно-христіанской основѣ своей, наша система воспитанія должна быть національною русскою, далѣе, и по всему построенію своему.

Она должна направляться къ развитію, прежде всего, *своихъ русскихъ силъ* въ питомцѣ. Поэтому на видномъ мѣстѣ въ ней должно быть поставлено то, въ чемъ наиболѣе рельефно выразилось наше русское міровоззрѣніе, наше національное самосознаніе, и вообще все, что знакомитъ и сближаетъ юное развивающееся поколѣніе съ его великою родиной. Это—родной языкъ, наша родная словесность, русская исторія, русская географія, наше русское право, зачатки нашей философіи, наше искусство и т. д.

Мы видѣли уже, какое значеніе имѣетъ языкъ въ смыслѣ выразителя народности; отсюда—и его великая національно-воспитательная сила. Если „языкъ, какъ говоритъ К. С. Аксаковъ, есть умъ народный, живой, дѣйствительный умъ, самая живая связь народная“, то конечно, родной языкъ долженъ „первый коснуться слуха младенца, первый ввести его въ народный союзъ, сперва лишь звуками, музыкой своей, а потомъ постепенно выясняющимся для младенца разумомъ своимъ“¹⁾, потому что „не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова“²⁾. Понятно поэтому, что значить замѣнить для ребенка родной языкъ чужимъ: изъ него выйдетъ жалкій человекъ безъ отчизны, погибшій для своей родины. Онъ никогда не пойметъ своего народа и потому ничего не прибавитъ къ народному наслѣдію³⁾.

То, что совершается путемъ усвоенія родного слова само собой, даже помимо сознательнаго участія только начинаю-

¹⁾ День. 1863 г. № 1.

²⁾ Ушинскій. Собр. педагог. сочиненій, стр. 203.

³⁾ Ibid. 209—210.

щей еще развиваться души питомца, дополняется, расширяется и становится уже на почву вполне сознательную при изучении родной словесности и истории. В произведениях нашей словесности выразились и хранятся в наследие потомкамъ исконные идеалы нашего народа, его заветныя думы и желанія, выработанныя имъ жизненныя воззрѣнія и убѣжденія, плоды его практической мудрости и возвышеннѣйшіе порывы его фантазій; словомъ, все, чѣмъ жилъ народъ, все то искренно, правдиво и въ то-же время необыкновенно живо, рельефно передалъ онъ въ своихъ словесныхъ произведенияхъ. Поэтому изучая ихъ, мы читаемъ въ самой душѣ нашего народа.

Но столь-же непосредственно, такъ-же близко къ своему народу (а можетъ быть, и еще ближе) становится человѣкъ, вчитываясь въ страницы своей родной истории, всматриваясь въ тѣ извилистые пути, по которымъ шелъ этотъ народъ, вдумываясь въ различные моменты своего прошлаго. И здѣсь онъ проникаетъ въ самые тайники народной души и переживаетъ въ себѣ самомъ все то, чѣмъ жила и живетъ вся Русь на протяженіи своей тысячелѣтней истории. И ему становятся не только понятными, но и близкими, родными всѣ судьбы своего народа, съ его славой и его горемъ, мученичествомъ; предъ его умственнымъ взоромъ вырастаетъ русскій человѣкъ во всемъ своемъ величии, и конечно, сердце его при этомъ „сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели заThemistокла или Сципіона“¹⁾. Но, что особенно важно, здѣсь-же, на страницахъ своей родной истории, узнаетъ онъ и „ту силу, которая собрала воедино раздробленную Россію“, узнаетъ и пойметъ, что только въ *самодержавіи* залогъ политической крѣпости и могущества русскаго народа. Именно здѣсь заключается одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для развитія того исконнаго чувства любви къ своему, Богомъ дан-

¹⁾ История государства Россійскаго, Н. Карамзина Т. I. СПб. 1833. XIII.

ному, русскому православному Царю - Отцу, всегда вѣдающему нужды своего народа и неустанно пекущемуся о его благополучіи,—которое послѣ вѣры православной является самымъ кореннымъ чувствомъ въ груди русскаго народа. Удовлетворить эту насущную потребность русскаго человѣка, согрѣть и развить это естественное національное чувство въ его сердцахъ—одна изъ первыхъ священныхъ обязанностей русской школы и русскаго воспитанія вообще. А лучшимъ средствомъ для этого и служить своя родная исторія.

Но не только въ языкѣ съ его словесностію и въ своей исторіи, а во всѣхъ вообще явленіяхъ чисто русскаго характера открываются источники и пути для познанія Россіи, для пониманія ея особенныхъ, индивидуальныхъ силъ и стремленій, а слѣдовательно—и для развитія ихъ въ юныхъ душахъ воспитывающагося поколѣнія. Поэтому *родиноуподѣніе*, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, должно проникать всю систему нашего воспитанія, отъ начала и до конца ея,—не ограничиваясь лишь нѣсколькими спеціальными предметами, а отражаясь на всей программѣ обученія, какъ особый педагогическій принципъ, пользующійся всякимъ поводомъ, во всѣхъ предметахъ, для выясненія или хотя-бы оттъненія и углубленія пониманія своей родной жизни.

Дерзаемъ вѣрить и надѣяться, что настанетъ время и, быть можетъ, недалеко оно, когда и наша жизнь, и наша школа уже твердо стануть на этихъ—*своихъ, родныхъ*, а потому истинно-благотворныхъ—началахъ нашей вѣры православной и нашей русской народности вообще.

Н. Маккавейскій.

ЦѢНА 30 КОП.

2011121964